

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261

ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Куропятник А.И., М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: alkuropjatnik@mail.ru, kuropjatnik@bk.ru)

В современной постмультикультуральной дискуссии интеркультурализм выступает как модель интеграции в контекстах разнообразия, способ осмысления глобализованной реальности и интеркультурный диалог, или инструмент «позитивного взаимодействия». Совет Европы, Европейская Комиссия и ЮНЕСКО поддерживают интеркультурализм как основную концепцию социальной интеграции в контекстах разнообразия. Интеркультурализм принимает во внимание множественность идентичностей, различий, способов сосуществования, присущих эпохе суперразнообразия и диверсификации мобильностей в условиях глобализации. В постмультикультуральной перспективе интеркультурализм вовлечен в дискуссии о «конце мультикультурализма», во многом утратившего свой символический капитал. Интеркультурализм предлагает новый нарратив социальной интеграции, основанный на переосмыслении идей и социальных ситуаций, смещении акцентов, а также на символических инверсиях, и потому релевантный сложной социокультурной реальности XXI века. При этом интеркультурализм не заменяет мультикультурализм как «третий путь» интеграции — между мультикультурализмом и ассимиляцией. Интеркультурализм предполагает разные модели интеграции, такие как квебекский интеркультурализм и европейский интеркультурализм, подразумевающий возвращение к идее национального государства. Будучи ориентирован на создание «формулы сосуществования» в условиях суперразнообразия, интеркультурализм не ограничивается только иммиграционным контекстом, а артикулирует многомерность различий (профессиональных, образовательных, гендерных, этнических) в контекстах неравенства, в том числе и в границах национального государства. Теоретическая разнородность и тематическая всеохватность интеркультурализма, амбивалентность концептов в фокусе его внимания могут стать источником новых проблем для тех национальных и международных структур, которые сделали на него ставку. В контексте интеркультурализма управление культурным разнообразием и развитие интеркультурного диалога отнесены не только к сфере компетенции правительственных структур, но и других сегментов общества, в частности сферы образования, институтов гражданского общества, частного сектора и локальных общин.

Ключевые слова: интеграция в контекстах разнообразия; интеркультурализм; интеркультурный диалог; мультикультурализм; постмультикультуральная перспектива; суперразнообразие; социальная интеграция

* © **Куропятник А.И.**, Куропятник М.С., 2017.

Интеркультурализм находится в центре современной постмультикультуральной дискуссии, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, его вовлеченностью в дебаты о «конце» мультикультурализма, направленные на поиски ответа на вопрос, каким будет мир и культурное разнообразие в эпоху «после мультикультурализма» [6. Р. 1]. Во-вторых, значением интеркультурального теоретизирования в контексте постмультикультурального подхода, а также поиском нового языка или социальной теории, в рамках которой современное «суперразнообразие» может быть концептуализировано и объяснено [15. Р. 65]. В-третьих, его коммуникативными, интерактивными и политическими возможностями, имеющими определенное значение для создания в условиях культурного, этнического и социального разнообразия современных обществ нового «контекста совместной жизни» [28. Р. 3]. В-четвертых, пересмотром значения интеркультурального диалога как инструмента решения проблем [17. Р. 5], а также вкладом интеркультурализма в формирование новой гражданской культуры в плюральных обществах, где интеграция сопровождается защитой от дискриминации, основанной на манифестируемых различиях [4. Р. 440—441], и общественной дискуссией. И, наконец, его усилиями по репрезентации диверсификации мобильности, ее новых глобальных паттернов, делающих управление разнообразием важнейшей проблемой XXI века [15. Р. 65], по созданию нарратива приверженности разнообразию и по преодолению эссенциалистских коннотаций интеграции, стереотипов мультикультурализма и крайностей ассимиляции [18. Р. 14; 20. Р. 2].

В контексте европейской интеграции мультикультурализм отнесен к «старым походам» управления культурным разнообразием, которые сегодня не релевантны ни новым реалиям, ни требованиям общеевропейской политики [26. Р. 9]. Перспективным проектом социальной интеграции Советом Европы, Европейской Комиссией и ЮНЕСКО провозглашен интеркультурализм [2. Р. 3—4; 7. Р. 47], основанный на таких принципах, как уважение человеческого достоинства, фундаментальных ценностей европейцев, а также общего наследия и культурного разнообразия [26. Р. 4]. Европейская Комиссия, Совет Европы и ЮНЕСКО поддерживают интеркультурализм как «инструмент позитивного взаимодействия» и основную концепцию интеграции, хотя он редуцирует интеркультуральность к интеркультурному диалогу [8. Р. 35—36] и ориентирован на создание для граждан Европы условий для приобретения знаний и обучения навыкам взаимодействия в открытой и культурно разнообразной среде [19. Р. 1]. Интеркультурализм способствует развитию паттернов поведения граждан, их культурной грамотности и компетентности, релевантных сложной социокультурной реальности XXI века.

ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ: СОДЕРЖАНИЕ И ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ

Новая терминология открывает новые перспективы для формирования теоретического и символического пространства. Включение интеркультурализма в современный европейский дискурс наряду с такими концептами, как интеркультурный диалог, разнообразие, суперразнообразие, культурный плюрализм и ин-

теграция, стимулирует реконфигурацию еще недостаточно структурированного теоретического, социокультурного, политического и коммуникативного пространства Европы. Интеркультурализм, будучи «дискурсивно текучим» [6. Р. 8], нередко отождествляется с другими терминами, например, с интеркультурным диалогом [10. Р. 80—81]. Более того, в некоторых европейских языках интеркультурализм, мультикультурность и мультикультурализм используют как синонимы [24. Р. 28]. Трудности в определении границ и содержания этих терминов обусловлены сложностью, «текучестью» социальных ситуаций, для описания которых они используются. Показателен, например, термин «гибридный интеркультурализм», занимающий промежуточное положение между мультикультурализмом и ассимиляцией, но семантически не соответствующий интеркультурализму [13. Р. 15; 20. Р. 3].

Несмотря на то, что интеркультурализм не имеет общепринятого определения, его важнейшие структурные компоненты, заключенный в нем потенциал социальной интеграции в целом уже определены. В ряде национальных и культурных контекстов интеркультурализм репрезентируется как совокупность теоретических и управленческих подходов, основанных на принципах открытости, интеркультурного диалога и «позитивного взаимодействия». Одна из наиболее важных задач интеркультурализма состоит в реконфигурации моделей интеграции и характера социальных отношений в обществах, вовлеченных в контексты глобализации, международной миграции, диаспорных констелляций, культурного и социального разнообразия.

Важно подчеркнуть, что в современных национальных контекстах (за исключением Квебека) интеркультурализм не является самостоятельной политикой. В этом его важное отличие от мультикультурализма, хотя вопрос о переосмыслении последнего как национальной политики уже ставится [27. Р. 1]. Интеркультурализм не инициирует изменения «сверху вниз», в его рамках используется «дискурсивная практика изменений», рассчитанная не на сиюминутный результат, а на долговременный эффект. С этой целью в концепциях интеркультурализма в качестве инструментов проективного изменения реальности используются отказ от этничности и культуры как основных критериев социального группирования, признание в национальном контексте не только притязаний меньшинств, но и прав большинства [4. Р. 445—448; 20. Р. 2].

Признавая культурное разнообразие, ценность культурного наследия, интеркультурализм, тем не менее, отказывается от определения социального статуса на основе культуры, когда «право быть равным» обращается в «право быть другим», а взаимная сегрегация этнокультурных сообществ приводит к актуализации культурного, а не социального капитала [8. Р. 19—20]. Интеркультурализм выступает как совокупность дискурсивных стратегий, подразумевающих «открытый диалог» и обсуждение как тенденций трансформации общества в целом, так и форм социальности и культуры, соотносимых с разнообразными акторами — этническими, культурными, религиозными. В центре внимания интеркультурализма — нарратив изменений, а не их конкретное содержание. В этой перспективе артикулируются его контекстуальные версии как инструменты дискурсив-

ного переопределения, реконцептуализации социального, научного и политического аспектов. Таким образом, интеркультурализм выступает как инструмент и поле дискуссии: с одной стороны, в его границах обсуждаются острые социальные вопросы, постановка которых желательна гораздо в большей степени, чем игнорирование или сглаживание; с другой стороны, интеркультурализм способствует формированию у акторов культуры и навыков ведения общественной дискуссии и достижения компромиссов.

Интеркультурализм часто концептуализируется в терминах дискурсивности и нарратива. Именно дискурсивность создает иллюзию широты и тематической всеохватности интеркультурализма как научного подхода и агента постмультикультуральной дискуссии. Так, в одном случае интеркультурализм понимается как стратегия или политика интеграции [5. Р. 39—40]. В другом случае он выступает в качестве своеобразной формы социальной эмансипации, открывающей новые перспективы культурных обменов, распространения культурных значений, изменений [22. Р. 1] и вовлеченности в разные социокультурные контексты. В третьем случае интеркультурализм — проект поддержки новых моделей национальной идентичности, что предполагает возвращение к национально-политической парадигме и даже к «мультикультурному национализму» [20. Р. 2—3], имеющему решающее значение для его переосмысления в национальных границах. В постмультикультуральной дискуссии интеркультурализм выступает в качестве основной стратегии управления этническим и культурным разнообразием, которая предполагает изменение моделей социальной интеграции и характера социальных отношений в процессе смещения акцентов с групповых, институционально организованных структур, отражающих отношения группа-государство, на отношения между индивидами и между государством и индивидом. Более того, вопросы культурного разнообразия и развития интеркультурного диалога относятся к сфере компетенции не только правительств, но и других сегментов общества, таких как образовательные структуры, институты гражданского общества и частный сектор [2. Р. 3].

В контексте мультикультурализма модели интеграции и управления разнообразием опирались на известную, часто декларируемую стабильность национального государства, его политических, социальных и культурных границ, что сопровождалось репрезентацией отношений в европейских обществах в парадигме национального большинства-меньшинства, а между группами — в логике этничности. При этом культурное разнообразие выступало как условие потенциального приумножения социального капитала и достижения общественного согласия, а культура — не как динамичный, а как статичный феномен, соотносимый с определенной группой. На смену мультикультуральной парадигме 1.0, или управляемому мультикультурализму, основанному на идее признания этничности и культуры разных сообществ [25. Р. 156], артикулируемой преимущественно в контекстах иммиграции, пришел мультикультурализм 2.0, развивающийся в постмультикультуральной перспективе. Он не только «поощряет» культурное разнообразие, но и предоставляет более широкие рамки для реализации граждан-

ских инициатив, политического участия и демократических прав [15. Р. 73—74]. Такое смещение акцентов имеет место и в контексте интеркультурализма как способа концептуализации культурного разнообразия и интеграции.

Наконец, интеркультурализм представляет различные социально-политические модели интеграции. Одна из них исторически сопряжена с канадским Квебеком и известна как квебекский интеркультурализм. Другая модель связана с современной Европой, где интеркультурализм означает нечто совершенно иное — возвращение к дискурсу национального государства.

СТРАТЕГИЯ «СРЕДНЕГО ПУТИ»: ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ МЕЖДУ АССИМИЛЯЦИЕЙ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМОМ

Принято считать, что интеркультурализм — концепт, пришедший на смену мультикультурализму. Однако в современных ландшафтах культурного и этнического разнообразия, а также глобального движения населения интеркультурализм скорее выступает альтернативой («третий путь») для обществ, выбирающих между ассимиляцией и мультикультурализмом [3. Р. 93; 13; 18. Р. 13]. Речь идет не только о пересмотре эпистемологических и политических возможностей определенных версий мультикультурализма, но также и о «дискурсивном преодолении» последствий тех его политик, которые, будучи основаны на понятиях этнической принадлежности, культуры и группы, отличались тем, что Д. Кэмерон назвал «пассивной толерантностью» [18. Р. 10]. В рамках интеркультурализма в процессе преодоления крайностей как мультикультурализма, во многом утратившего свой символический капитал, так и ассимиляции приобретает реальные очертания и институционально закрепляется «новый нарратив» социальной интеграции [18. Р. 14].

Несмотря на то, что мультикультурализм определенного типа (государственный или управляемый мультикультурализм 1.0) уже находился «под подозрением», запущенные им процессы по-прежнему укрепляли этнокультурные границы в пределах нации. Сегодня эти усилия привели к созданию другой, параллельной модели общества как «сообщества сообществ» — эта «другая» социальная реальность стала апогеем административного творчества государственных чиновников и невольно обернулась поощрением сегрегации, этнических конфликтов, испытывая трудности в обеспечении сплоченности и доверия [29. Р. 170].

В современных дискуссиях интеркультурализм выступает скорее как новая парадигма социальной интеграции, а не очередное «модное слово» [12. Р. 2—4]. В отличие от мультикультурализма, провозгласившего защиту от культурной и религиозной дискриминации, а также право на сохранение и развитие культуры в пределах обособленных этнокультурных групп, инкапсулированных в национальное общество, социальная интеграция в контексте интеркультурализма понимается как открытый динамичный процесс преобразования социальных контуров и культуры общества путем диалога и комплементарного интеркультурного взаимодействия. Фокус политики смещается с присущей институциональному мультикультурализму централизованной точки зрения, продуцирующей статичность,

к подходам, подразумевающим «более динамичный и многонаправленный процесс в результате межличностного контакта» [28. Р. 5].

Важно отметить, что концепция социальной сплоченности Т. Кэнтла, изначально не имевшая своей целью социальную интеграцию, была направлена на снижение напряженности и стабилизацию отношений между группами. И только в новых политических, экономических и социальных контекстах суперразнообразия концепция сплоченности стала обретать новое значение — как инструмент интеграции на локальном уровне [9. Р. 10—14]. Тема межличностных отношений становится при этом основополагающей для европейской парадигмы интеграции.

Особое значение интеркультурализма состоит в реинтерпретации новых ситуаций суперразнообразия в национальных и транснациональных пространствах на фоне стремительно растущей миграции (следствие военных, политико-экономических глобальных изменений), а также быстро меняющихся требований международных рынков труда. В итоге воплощаемые в социальной реальности принципы и модели «раздельного сосуществования» групп, организованных на основе этничности и культуры, становятся одной из причин критических показателей социальной сегрегации. Так, паттерны локализации иммигрантов в крупных городах на основе этничности и культуры — причина их взаимной пространственной сегрегации. Разные возможности на рынках труда, занятости, обучения, вовлеченности в социальные и культурные сети только усиливали незнание друг о друге, которое легко перерастало в страх [9. Р. 9]. В ходе этих процессов трансформируются не только традиционные представления о государственном суверенитете, территориальности, национальном единстве и прочности национальных границ — в нестабильных международных и национальных контекстах, смещающихся контекстах диаспор, «пересечений и связей, ограничений гражданства и милитаризации границ» [15. Р. 65] подвергаются пересмотру модели национальной безопасности, а также паттерны принадлежности и идентичности.

Таким образом, в современных контекстах разнообразия интеркультурализм — «модель баланса и равенства» или «третьего пути» между мультикультурализмом и ассимиляцией [4. Р. 468]. Но актуальным остается вопрос о том, снимает ли интеркультурализм проблемы, связанные с культурным разнообразием и иммиграцией в разных социокультурных и политических контекстах.

Интеркультурализм развивается в основном в границах Европейского Союза, а также в провинции Квебек в Канаде, являясь в некоторых отношениях референтным и для других регионов мира. Опыт интеркультурального переосмысления глобализирующейся современности, накопленный в контексте отношений национального государства со своими регионами, представляется чрезвычайно актуальным для всех мультикультурных иммиграционных обществ.

Однако интеркультурализм как «формула сосуществования в контекстах разнообразия» [4. Р. 437] в Европе и Канаде существенно различается, что обусловлено рядом факторов.

Во-первых, дискурс интеркультурализма в Европе относительно аполитичен [19. Р. 2]: ни в границах национального государства, ни в пространстве Европы

интеркультурализм не является единственной легитимной моделью интеграции. Как отмечает Б. Парех, в таких условиях сложно найти способы согласования законных требований единства и разнообразия, достижения политического единства без культурной однородности, оставаться инклюзивным, не будучи ассимиляционистским, культивировать у граждан общее чувство принадлежности, уважая при этом их культурные различия, лелеять множественные культурные идентичности, не ослабляя при этом общую гражданскую идентичность [21. Р. 34].

Во-вторых, интеркультурализм основывается на идее многомерности различий вместо их репрезентации на основе концептов расы, культуры, языка или религии [6. Р. 8].

В-третьих, символическая инверсия в контекстах интеркультурализма становится одним из инструментов переосмысления значений терминов, ситуаций и явлений. Так, понятие «большинство», ранее понимавшееся как национальное большинство, культура и идентичность которого определяли характер и направленность интеграции иммигрантов, поменял свое содержание. Теперь «большинство» утратило прежние коннотации со статусом доминирования и выступает в роли одного из агентов взаимодействия, заявляющего о своих социальных и культурных интересах. Парадоксальным образом меняется и дискурс меньшинства, соотносимый теперь не столько с ситуациями дискриминации группы, сколько с ее численностью [26. Р. 12], т.е. термин «меньшинство» утрачивает социологическое содержание. Столь же неопределенным и амбивалентным в контексте интеркультуральной дискуссии оказывается термин «культура» — он соотносится и со сферой творчества (искусством), и с образованием, и с нормативной системой, определяющей правила социального поведения и отношений, и с культурой в антропологическом смысле, в том числе и со статичной культурой группы. При этом интеркультуральный диалог означает «обмен мнениями», подразумевая процессуальный подход к культуре [17. Р. 23—24].

Именно такое широкое поле культуры, вовлеченное в сферу интеркультурализма, было представлено, например, на Всемирной конференции, состоявшейся в Милане с 30 октября по 1 ноября 2003 года [22. Р. 1].

В-четвертых, интеркультурализм стремится к созданию общесоциальных принципов интеграции, базирующихся на уважении прав человека и демократии. Их отличительной чертой является отказ от следования единому культурному стандарту, поскольку от культурного разнообразия выигрывает каждый, кто вовлечен в него [25. Р. 154]. При этом формирование европейской модели интеркультурализма происходит, с одной стороны, в условиях известной «усталости» от расширения границ Евросоюза, с другой, — в ситуации роста популярности идеи национального государства [1. С. 7—9].

КАНАДА: КВЕБЕКСКИЙ ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ

Случай интеркультурализма в Канаде не менее сложен. Здесь, как и в Европе, мультикультурное общество сформировалось в логике идеи культурной гомогенности национального государства. Социально-политическое единство националь-

ного общества соотносится, как правило, с требованием этнокультурной и социальной однородности, поэтому парадоксальность канадского, как и любого другого национального общества, «скрывается» в предпочтениях и идеях, во многом заимствованных из прошлого, но не предлагающих четкой траектории продвижения вперед [16. Р. У11].

В условиях осознания множественности способов сосуществования, принадлежности и идентичности [15. Р. 67] требования этнических и расовых меньшинств Канады, которые хотят признания и уважения, не жертвуя при этом равенством, свидетельствуют, что они «остаются в прошлом» — в эпохе управляемого мультикультурализма 1.0.

Драматизм дискуссии между Квебеком и остальной Канадой о моделях общенациональной и региональной интеграции заключается в том, что канадский мультикультурализм, как и мультикультурализм в целом, несмотря на его признанные исторические успехи, оказался «заперт в контекстах 1960—1970-х годов». Он не примирился с эрой глобализации и разнообразия и концептуальными изменениями, которые стали ее результатом [11. Р. 38]. Несмотря на это, квебекский интеркультурализм отрицает понимание социальной интеграции в терминах эссенциализированных этнокультурных реалий и реифицированных сообществ как путь, ведущий к сегрегации и ассимиляции. Наряду с требованиями сохранения французского языка и культуры, религии и традиций Квебека его граждане настаивают на своей современности, вовлеченности в процессы глобализации и принятии универсальных принципов общей с иммигрантами культуры национального общества, основанной на уважении личности и прав человека. «Аккуратная» национальная модель «единства в разнообразии» больше не может вместить в себя чрезвычайно сложное разнообразие мигрантов и меньшинств в смещающихся контекстах «различий внутри различий» [15. Р. 79—80].

Для Квебека характерны три основные исторические модели интеграции, релевантные в контексте интеркультурализма. Национализм Квебека связан с почти 400-летней борьбой за независимость с англоязычной Канадой и создание самостоятельного государства и квебекской нации. Основу этого процесса составлял сценарий ассимиляции этнокультурных групп, вовлеченных в орбиту «нации» Квебека. Это тот же путь, следуя которому сформировалась и французская нация в Европе. Он по-прежнему актуален в Квебеке. Другим вариантом этой модели интеграции выступают отношения Квебека с аборигенным населением, основанные на номинальном равенстве статусов «нации в нации» [4. Р. 439], но в действительности таковыми не являющимися.

Как более «мягкая» глобальная модель интеграции, интеркультурализм представлен в «парадигме дуальности». Ее особенность заключается в том, что все агенты социокультурного процесса осознают остроту отношений между большинством и меньшинством. В контексте интеркультурализма артикулируется «забота о будущем» как культуры большинства, так и культур меньшинств. При этом содержание и модальность дуальных отношений рассматриваются не как статичные, а как динамичные, вовлеченные в поток постоянных изменений и переопределений смыслов [4. Р. 445—446].

Третья модель — плюралистической интеграции — формируется в Квебеке с 1990-х годов и включает в себя: сохранение и развитие французского языка как средства публичного общения для всего населения провинции; соблюдение демократических принципов включения и участия в общественной жизни всех членов общества, а также их интеграцию.

В контексте интеграции интеркультурализм поощряет разнообразие, что способствует интеркультурному взаимодействию, культурным обменам, связям и межобщинным инициативам. В целом это путь переговоров и уступок [4. Р. 448—450], а также взаимного признания.

Таким образом, эта модель интеркультурализма основана на принципе взаимности и направлена на достижение баланса между открытостью, культурной непрерывностью и жизнеспособностью французской культуры и идентичности Квебека [23. Р. 69].

Важно подчеркнуть, что Канада и Квебек имеют разные модели интеграции. Для Канады в целом характерна «планетарная модель», когда культуры меньшинств «вращаются подобно планетам» вокруг общеканадского центра. Квебекская модель интеграции сопряжена с метафорой дерева согласно которой франкоязычная культура выступает в качестве «ствола дерева» с «ветвями» культур меньшинств, создающих неповторимый облик квебекского интеркультурализма [14. Р. 94—95].

Важное отличие квебекского интеркультурализма от интеркультурализма в Европе состоит в том, что для защиты французского языка и культуры, а также интеграции иммигрантов в квебекское общество на основе «культуры большинства» социокультурная ситуация в Квебеке была представлена как соотносимая со статусом меньшинств и теми паттернами, которые сопрягаются в социальном дискурсе с меньшинством. Как отмечают Г. Бушар и Ч. Тейлор, для такой маленькой нации, как Квебек, обеспокоенной своим будущим как культурного меньшинства, интеграция предоставляет условия для развития а, возможно, и выживания [5. Р. 40]. Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что аборигенное население не желает быть представлено в контексте Квебека как культурное меньшинство [4. Р. 439].

Нарратив угрозы французскому языку и культуре в Квебеке формируется не на реалиях «наплыва иммигрантов» или ассимиляционного давления извне, а на предположении об «угрозе». В этом дискурсе положение франкоязычной культуры в Канаде (за исключением провинции Квебек), а также в Северной Америке, т.е. в англоязычном мире, репрезентируется в парадигме меньшинства, что понимается как ситуация потенциальной угрозы ассимиляции. Этот дискурс является относительно новым как в культурном, так и в социологическом смыслах, в нем постоянно переопределяются термины и явления — они обретают амбивалентный характер, могут означать «все и ничего», а неверно использованные старые теории могут служить немой упреком в «интеллектуальной инерции» [16. Р. X].

На этом фоне в современных государствах, вовлеченных в глобальные процессы миграции и суперразнообразия, могут возникать ситуации и нарративы

«доминирования» новых меньшинств или использоваться апробированная в Квебеке символическая стратегия меньшинства для защиты своих интересов. Используя эту стратегию, Квебек обрел возможность «поиска баланса» между непрерывностью коллективной идентичности и открытостью взаимному обогащению на основе признания разнообразия и развития интеркультурного диалога [23. Р. 69]. Переживая эти метаморфозы, Квебек заявил о себе как об активном, «определяющем правила игры» участнике интеркультурного взаимодействия и политических процессов в контексте глобализации — обезличивающей, культурно стандартизирующей, псевдовыравнивающей и одновременно усложняющей культурное разнообразие, а также иницирующей новые иерархии. Создаваемый в Квебеке культурный нарратив — это способ переосмысления себя как в национальном, так и в глобальном контексте. В новом символическом статусе Квебек добился права приглашать только тех иммигрантов, в которых он заинтересован, на основе заключения с правительством провинции «морального договора», предусматривающего взаимные права, обязанности и обязательства иммигрантов и населения Квебека. Иммигранты должны признавать приоритет французского языка как языка и культуры Квебека, преобладающие культурные нормы и законы, активно участвовать в общественной жизни, вовлекаться в диалог и культурные обмены между общинами, соблюдать демократические принципы и практики [14. Р. 94]. И действительно, как заметил О. Флерас, канадцы стали более искусными в разговорах о том, как жить вместе в контексте различий [16. Р. X].

Итак, в качестве нового теоретического подхода интеркультурализм предлагает реконфигурацию концептов, социальных моделей и практик, которые уже состоялись в различных национальных и интеллектуальных контекстах. Однако в процессе их переосмысления, смещения акцентов и символических инверсий он становится релевантным для изучения сложной меняющейся реальности XXI века.

В настоящее время интеркультурализм выступает как совокупность моделей интеграции, управления культурным и социальным разнообразием, возникающим не только в иммиграционном контексте, но также и в контекстах социального неравенства, различий (профессиональных, образовательных, гендерных, этнических), в том числе в границах национального государства.

Отличие от мультикультурализма интеркультурализм подразумевает новую позитивную модель концептуализации и согласования изменений в контексте регионов и наций на основе признания многомерности разнообразия [10. Р. 69—70]. Тем самым открывается более широкая перспектива осмысления культурного разнообразия, которое не сводится только к теме миграции, доминирующей в последние годы в социальной теории. Интеркультурализм — не только способ осмысления новой реальности, но и инструмент интеркультурного взаимодействия. В этой связи представляется важным процессуальный подход к пониманию интеркультурализма как результата взаимодействия, в ходе которого возникает новое чувство принадлежности, общее социокультурное пространство и общие культурные паттерны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- [1] Громько Ал.А. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции) // Современная Европа. 2017. № 2. С. 6—17 [Gromyko Al.A. Evropeyskiye issledovaniya: dilemmy universalnosti i unikalnosti (k 60-letiyu regionalnoy integratsii) [European studies: Dilemmas of universality and uniqueness]. *Sovremennaya Evropa*. 2017: 2: 6—17 (In Russ)].
- [2] Bokova I. Foreword. *Interculturalism at the Crossroads. Comparative Perspectives on Concepts, Policies and Practices*. Ed. by F. Mansouri. Paris: UNESCO Publishing; 2017. P. 3—4.
- [3] Bouchard G. Interculturalism: what makes it distinctive? *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities and Differences*. Ed. by M. Barrett. Strasbourg: Council of Europe Publishing; 2013. P. 93—110.
- [4] Bouchard G. What is Interculturalism? *McGill Law Journal*. 2011: 56 (2). P. 435—468.
- [5] Bouchard G., Taylor C. *Building the Future: A Time for Reconciliation*. Québec: Government of Québec; 2008.
- [6] Bradley W. Is there a post-multiculturalism? *Studies on Multicultural Societies*. No. 19. Shiga: Ryukoku University; 2013.
- [7] Busch D., Möller-Kiero J. Rethinking interculturality will require moral confessions: Analysing the debate among convivialists, interculturalists, cosmopolitanists and intercultural communication scholars. *Interculture Journal*. 2016: 15: 43—57.
- [8] Cante T. Cohesion and integration: From ‘multi’ to ‘inter’ culturalism. *Actes du Symposium international sur l’interculturalisme. Dialogue Quebec-Europe*. May 25—27. Montreal; 2011. P. 2—48 // www.symposium-interculturalisme.com.
- [9] Cante T. *Community Cohesion: A Report of the Independent Review Team Chaired by Ted Cante*. London: Home Office; 2001.
- [10] Cante T. Interculturalism as a new narrative for the era of globalisation and super-diversity. *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities and Differences*. Ed. by M. Barrett. Strasbourg: Council of Europe Publishing; 2013. P. 69—91.
- [11] Cante T. Interculturalism: For the era of globalization, cohesion and diversity. *Political Insight*. 2012: December: 38—41.
- [12] Caponio T., Donatiello D. Intercultural policy in times of crisis: Theory and practice in the case of Turin, Italy. *Comparative Migration Studies*. 2017: 5 (13): 1—16.
- [13] Emerson M. Summary and conclusions. *Interculturalism. Europe and its Muslims in Search of Sound Societal Models*. Ed. by M. Emerson. Brussels: Centre for European Policy Studies; 2011. P. 1—16.
- [14] Fleras A. *Case Studies, Insights, & Debates. Unequal Relations. The Politics of Race, Ethnic and Aboriginal Relations in Canada*. Toronto: Pearson; 2012.
- [15] Fleras A. Moving positively beyond multiculturalism: Toward a post-multicultural governance of complex diversities in a diversifying Canada. *Zeitschrift für Kanada-Studien*. 2015: 35: 63—89.
- [16] Fleras A. *Unequal Relations: A Critical Introduction to Race, Ethnic, and Aboriginal Dynamics in Canada*. Toronto: Paerson; 2017.
- [17] Grillo R. A year of living interculturally: The European Year of Intercultural Dialogue. https://www.academia.edu/28087132/A_Year_of_Living_Interculturally_The_European_Year_of_Intercultural_Dialogue_2008_.Draft.
- [18] Grillo R. But what is interculturalism? 2016. https://www.researchgate.net/publication/311650122_But_What_IS_Interculturalism, and https://www.academia.edu/30455789/But_What_IS_Interculturalism.
- [19] Meer N., Modood T. *Interculturalism, Multiculturalism, or Both?* Robert Schuman Centre for Advanced Studies Policy Papers. Badia Fiesolana: European University Institute; 2013.
- [20] Modood T. Must interculturalists misrepresent multiculturalism? *Comparative Migration Studies*. 2017: 5 (15): 1—17.
- [21] Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2000.

- [22] Powell D., Sze F. Introduction. *Interculturalism: Exploring Critical Issues*. Ed. by D. Powell, F. Sze. Oxford: Inter-Disciplinary Press; 2004. P. 1—2.
- [23] *Quebecers. Our Way of Being Canadian. Policy on Québec Affirmation and Canadian Relations*. Québec: Gouvernement du Québec; 2017.
- [24] Triandafyllidou A. *Addressing Cultural, Ethnic and Religious Diversity in Europe: A Comparative Overview of 15 European Countries*. Robert Schuman Centre for Advanced Studies Policy Papers. European University Institute; 2012.
- [25] Watt Ph. An intercultural approach to ‘integration’. *Translocations*. 2006: 1 (1): 154—163.
- [26] *White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”*. Strasbourg: Council of Europe; 2008.
- [27] Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debate: a defense. *Comparative Migration Studies*. 2017: 5 (14): 1—23.
- [28] Zapata-Barrero R. Interculturalism: Main hypothesis, theories and strands. *Interculturalism in Cities: Concept, Policy and Implementation*. Ed. by R. Zapata-Barrero. Cheltenham: Edward-Elgar Publishing; 2015. P. 3—19.
- [29] Zapata-Barrero R. The intercultural turn in Europe: process of policy paradigm change and formation. *Interculturalism at the Crossroads. Comparative Perspectives on Concepts, Policies and Practices*. Ed. by F. Mansouri. Paris: UNESCO Publishing; 2017. P. 169—192.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261

INTERCULTURALISM: POSTMULTICULTURAL DISCOURSE OF SOCIAL INTEGRATION*

A.I. Kuropjatnik, M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University
Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: alkuropjatnik@mail.ru, kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. In the current postmulticultural debates, interculturalism is a model of integration in the contexts of diversity, a way to conceptualize global social-cultural reality, and an intercultural dialogue or an instrument of ‘positive interaction’. The Council of Europe, European Commission and UNESCO consider interculturalism a main model of social integration in the contexts of diversity. Interculturalism takes into account the multiplicity of identities, differences and modes of coexistence inherent in the era of ‘super-diversity’, and mobility diversification under globalization. In the postmulticultural perspective, interculturalism is a part of the debates on ‘the end of multiculturalism’ that has lost its symbolic capital. Interculturalism develops a new narrative of social integration based on rethinking of ideas and social situations, shifting contexts and symbolic inversions, thus, becoming relevant to the social and cultural reality of the 21st century. However, interculturalism does not replace multiculturalism as the third strategy of integration beyond multiculturalism and assimilation for it implies various integration models such as Quebec interculturalism and European interculturalism with the revived idea of the nation state. Interculturalism focuses on creating ‘a formula for coexistence’ under super-diversity, and is not limited to the immigration context; it emphasizes the multidimensionality of differences (professional, gender, ethnic) in the context of inequality including the nation state. Theoretical heterogeneity and thematic diversity of interculturalism and the ambivalence of its concepts can determine new challenges for the national and international structures that rely on it. Interculturalism considers management of cultural diversity and development of intercultural dialogue as functions of not only government structures, but also of other segments of society such as educational and civil society institutions, private sector and local communities.

Kew words: integration in the contexts of diversity; interculturalism; intercultural dialogue; multiculturalism; postmulticultural perspective; super-diversity; social integration.

* © A.I. Kuropjatnik, M.S. Kuropjatnik, 2017.